

## К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

**Тарасов Евгений Федорович**  
доктор филологических наук,  
профессор, заведующий отделом психолингвистики  
Института языкознания РАН  
125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1  
*eft35@mail.ru*

Статья посвящена метатеоретическому анализу проблемы функционирования языка, которая в современной лингвистике оказалась неотрефлексированной вследствие редуccionистского подхода к объекту лингвистики, обусловленному сложностью феномена речевого общения.

Функционирование языка имеет внешние и внутренние звенья, для изучения последних лингвистика не обладает познавательными средствами и вынуждена сотрудничать с психологией. Коммуниканты для речевого общения должны иметь сознание, сформированное при присвоении идентичной культуры, функционирующую языковую способность, навыки осуществления совместной деятельности и речевого общения по правилам своей этнической культуры. Нередуccionированный объект лингвистики кроме процесса производства и восприятия устной речи должен включить в себя сотрудничающих и общающихся личностей как носителей общих для них этнической культуры и этнического языка.

Необходимо исходить из представления, что речевое воздействие осуществляется конструированием в сознании реципиента идеальной реальности (потребного будущего) в процессе смыслового восприятия речевых сообщений, произведенных говорящим.

Объектом лингвистики целесообразно полагать процесс речевого воздействия, в котором коммуниканты регулируют поведение друг друга, конструируя в сознании партнера мысли, предъявляя ему для восприятия речевое сообщение, понимание которого реципиентом приводит к формированию образов сознания (мыслей), необходимых субъекту воздействия.

**Ключевые слова:** объект лингвистики, редуccionизм, сотрудничающие и общающиеся личности, этническая культура, общность сознания, производство и восприятие речи

### Введение

Через несколько лет случится двухсотлетний юбилей основания В. Гумбольдтом научной лингвистики и философии языка, а проблема функционирования языка все еще ждет своего решения.

Как это ни удивительно, но уже у В. Гумбольдта была мысль, что для решения проблем языка наибольшими познавательными возможностями обладает антропологический подход к языку, предполагающий использование результатов исследования сознания, культуры и духовной жизни [Рамишвили 1990: 123; 2000; Постовалова 1982].

Таким образом, В. Гумбольдт настаивает, что язык может рассматриваться как атрибут человека, живущего в конкретном этносе, присвоившего культуру этого этноса и

тем самым сформировавшего свое сознание. При этом очевидно, что владение этническим языком обладает статусом обязательного качества человека, живущего в неприменном вынужденном сотрудничестве с другими членами различных социальных групп, потому что он не сможет выжить самостоятельно в той экономической нише, которую он занимает и, следовательно, обречен на сотрудничество с другими членами своего этноса.

В лингвистике объектом стал не человек, наделенный языком, а редукционистский, но удобный для анализа объект в форме наблюдаемых речевых продуктов, изъятых из неречевого, а часто и речевого контекста, и отделенный от производства речи и ее реципиента и от их совместной деятельности (СД), ради организации которой и развергивается речевая активность людей.

По мнению одного из самых активных критиков познавательных установок современных лингвистов А.В. Кравченко, распространение графической репрезентации естественных языков привело к *«великой подмене научного объекта»* лингвистики, когда эти репрезентации стали отождествляться с самим языком [Кравченко 2013: 27].

Говоря языком современной эпистемологии, произошла онтологизация исследовательских процедур современной лингвистики: процедуре лингвистического анализа, лабораторной по своей сути, придали статус реального явления. Конструирование искусственного объекта в научном исследовании, например, при модельном изучении реального объекта – это одинарная познавательная процедура, если аналитик не отождествляет модель и сам объект. История научной лингвистики дает нам ряд искусственно сконструированных объектов исследования, подменяющих единственный объект научной лингвистики – процесс производства и восприятия речи.

Усложнение хозяйственной жизни сформировало необходимость фиксировать устную речь в пространстве и времени и ввело в объектную область анализа речи ее знаковые фиксации. Появление печатного станка создало предпосылки для превращения письменных текстов в мощное средство развития науки, технологий и всего общества и для трансформирования современного общества в культуру текстов, что естественным образом ввело письменные тексты в новую конструкцию объектной области лингвистики. Возникновение современных государств в Европе, связанное с необходимостью управления территориями, население которых использовало для общения разные территориальные диалекты одного языка, имело следствием появление наддиалектного литературного нормированного языка как средства регламентации общегосударственного общения, противостоящего разным типам разговорной речи и просторечию. Художественная литература превратила свой язык в привлекательный объект исследования на долгие годы XX столетия.

Все эти примеры конструирования искусственных объектов исследования лингвистов привели к тому, что естественный объект лингвистики – процесс производства и восприятия устной речи – находился на периферии объектной области лингвистики, что закономерно привело к ситуации, возникшей на Международном конгрессе лингвистов в Берлине в 1987 году, свидетелем которой был автор этих строк.

На заседании секции «Изучение диалогической речи» докладчик рассказывал, что он со своими сотрудниками в лабораторных условиях многократно прослушивают одну и ту же запись диалогической речи, каждый раз открывая что-то новое в содержании речевых действий диалогистов. После окончания доклада одна ученая дама заявила с возмущением, что многократное восприятие ничего не дает, т.к. прослушивается не-

изменный однажды зафиксированный диалог. Еще всего три десятилетия тому назад на Мировом конгрессе лингвистов (!) находились ученые, для которых была чужда мысль, что содержание воспринимаемого речевого сообщения *конструируется* реципиентом и только им и каждый раз заново.

Отвлечемся от этого курьезного, хотя и показательного случая и обратимся к усилиям выдающихся лингвистов сформировать объект исследования лингвистики.

### **Анализ проблемы**

Мысль о языке как средстве общения путем обмена языковыми знаками хотя и была распространена в лингвистике, но можно полагать, что в научной практике она была утверждена в первую очередь трудами И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Е. Есперсена, которые считаются предшественниками функциональной лингвистики [Бодуэн де Куртенэ 1963; Соссюр 2019; Есперсен 1985].

Значительную роль в понимании языка как совокупности средств с функцией воздействия сыграли работы Р.О. Якобсона, членов Пражского лингвистического кружка и труды психолога К. Бюлера [Якобсон 1985; Пражский лингвистический кружок 1967; Бюлер 1934]. Наиболее адекватное представление о влиянии на производство и восприятие речи невербальных факторов коммуникативного акта было сформулировано в функциональной стилистике русского языка [Кожина 1974; Кожина и др. 2011<sup>1</sup>].

Но даже наиболее развитая функциональная лингвистика «в лице» функциональной стилистики русского языка не смогла сформировать адекватное представление об объекте исследования лингвистической науки. Это происходит по причине игнорирования того факта, что несмотря на чрезвычайно развитую феноменологию и онтологию форм существования общенациональных языков (особенно в европейском культурном регионе) в основе любых форм функционирования языка лежит акт взаимодействия членов социума, обладающих общностью сознаний и регулирующих внутреннее и внешнее поведение друг друга при помощи производства и восприятия устных речевых сообщений для организации СД с целью собственного выживания. Можно считать, что все наблюдаемые знаковые взаимодействия членов социума – это только превращенные формы существования устного коммуникативного акта.

Трудно избавиться от вывода, что объект лингвистики носит неоправданно редуционистский характер, если учесть, что исследователь решает задачу объяснить процессы производства и восприятия речевых сообщений, только наблюдая внешние звенья речевого поведения коммуникантов. Объект лингвистики носит сложный системный характер, в котором речевые действия детерминированы в первую очередь целями организации речевого общения и СД.

В качестве основы для дальнейшего изложения проблем объекта исследования в лингвистике сформулируем тезис, который мы попытаемся доказать позже.

Человек, существуя в обществе, не может не общаться с другими людьми в ходе сотрудничества с ними, и это есть его *modus vivendi*. Но для такого общения и сотрудничества требуются предпосылки в виде качеств, которыми должны обладать члены социума.

---

<sup>1</sup> См. также список литературы по функциональной стилистике русского языка, приложенный к этому пособию.

М. Томаселло – специалист по человеческому общению – в разделе с примечательным названием «Язык как совместная интенциональность» пишет: «Языковые акты – это социальные акты, которые один человек интенционально адресует другому (и подчеркивают это) с целью управления определенным образом его вниманием и воображением, чтобы этот делал, знал и чувствовал то, что хочет собеседник. Они «работают» только если оба участника коммуникации обладают необходимой психологической базовой структурой навыков к разделению наблюдений и мотиваций к нему, сформировавшимся для обеспечения взаимодействия с другими людьми в процессе совместной деятельности» [Томаселло 2011: 279].

С М. Томаселло можно согласиться, если под «необходимой психологически базовой структурой навыков к разделению намерений и мотиваций к нему» понимать не только сформированную языковую способность, но и сформированные навыки речевого общения (РО), предполагающие навыки речевой организации не только собственно РО, но и речевой организации СД на всех ее этапах. Такие навыки организации РО и СД могут быть сформированы только как часть процесса деятельностного присвоения своей этнической культуры, который по своим результатам равнозначен формированию сознания.

Обратимся к концепции А.Н. Леонтьева, который при помощи категории предметной деятельности объясняет порождение, функционирование и строение психического отражения реальности языком.

Деятельность, по А.Н. Леонтьеву – «это единица жизни, опосредованная психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире» [Леонтьев А.Н. 2012: 62].

Конституирующая характеристика деятельности, по А.Н. Леонтьеву – это ее предметность. Деятельность – это активность человека, в структуре которой ему предстоит реальный мир в виде природного материала, превращаемого деятелем в продукт (культурный предмет), удовлетворяющий его потребности.

Деятельность реализуется в двух процессах: во-первых, когда предмет разворачивается в деятельность, подобную той, в которой он был изготовлен, во-вторых, когда деятельность по изготовлению предмета застывает в его форме, переходя в его «покоящееся свойство» [Леонтьев А.Н. 2012: 65]. Эти два процесса рассматриваются как два полюса деятельности, известные как распредмечивание и опредмечивание.

Представление о двух модусах протекания деятельности – об опредмечивании и распредмечивании – объясняет механизм трансляции родовых качеств человека от одного поколения к другому: способность пользоваться, например, конкретным орудием труда как культурным предметом формируется в процессе распредмечивания этого орудия, т.е. в процессе использования этого орудия способами, которые позволяет форма этого орудия. Многократное распредмечивание орудия – это процесс перехода орудия в способность тела человека пользоваться этим орудием.

Воздействие человека как субъекта деятельности на предмет ведет к познанию его в процессе приспособления этого воздействия к свойствам предмета, т.е. к формированию образа этого предмета, к формированию собственно сознания деятеля. А.Н. Леонтьев пишет по этому поводу: «Деятельность необходимо вступает в практические контакты с сопротивляющимися человеку предметами, которые отклоняют, изменяют и обогащают ее. Иными словами, именно во внешней деятельности происходит замыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному

предметному миру, властно врывающемуся в этот круг» [Леонтьев А.Н. 2012: 69]. Иначе говоря, предмет, ставший объектом деятельностного воздействия, переводит свою предметность в форму субъективности деятеля, отображаясь в его сознании.

Но это сознание отдельного человека, а для знакового общения, как мы покажем ниже, необходима общность сознаний коммуникантов, создание которой А.Н. Леонтьев показывает следующим образом.

Деятельностное воздействие человека на объект опосредуется *орудием*, которое вводит человека-деятеля в мир других людей, изготовивших это орудие и опредметивших тем самым операцию (способ действия с этим орудием), которую они теперь передают в опредмеченном виде, в форме предмета-орудия его пользователю, приобщая его к своему миру.

Отгалкиваясь от орудийной опосредованности деятельности, А.Н. Леонтьев вслед за Л.С. Выготским, показывает, что «психические процессы человека (его «высшие психологические функции») приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними» [Леонтьев А.Н. 2012: 73].

Отсюда А.Н. Леонтьев делает важный вывод о том, что индивидуальное сознание конкретного члена общества может существовать только при наличии общественного сознания или, добавим от себя, только как часть (или индивидуальная форма) общественного сознания.

Забегая вперед, можно сделать вывод, что СД людей есть необходимое условие формирования общности сознаний (как мы уже упоминали выше, человек не может выжить в одиночку), которая, в свою очередь, есть предпосылка любого знакового общения.

После того как мы показали, как образуется в СД общность сознаний членов социума, можно попытаться объяснить, как происходит управление поведением коммуникантов при помощи речевых (знаковых) сообщений.

Речевое сообщение в устной форме производится говорящим в виде цепочки звуков конкретного естественного языка, которые суть культурные предметы, изготовленные из природного материала (воздуха) говорящим при помощи артикуляторных органов в соответствии с артикуляционной программой, формируемой говорящим для конкретного высказывания, звуки в речевой цепочке образуются артикуляторными органами говорящего и предъявляются им реципиенту для восприятия.

Звуки речи, воспринимаемые перцептивными органами, идентифицируются слушателем при помощи перцептивных эталонов, хранящихся в его сознании в виде образов звуков, в своей субстанции звуки не содержат никаких признаков (кроме звуко-символических слов), указывающих на *образы* предметов (действий, явлений), которые (образы) ассоциированы в сознании коммуникантов с воспринятыми звуками.

При восприятии звучащего слова реципиент идентифицирует его при помощи перцептивного эталона, если он знает воспринятое слово или не идентифицирует его, если он не знает этого слова.

После опознания звучащего слова реципиент извлекает из своей памяти *образ* предмета (действия, явления) если он там хранится или не извлекает, если у реципиента отсутствует такой *образ*, т.е. он не знает значения воспринятого слова. Образ предмета, ассоциированного со звуковой формой слова, существует в ассоциации с другими

образами и поэтому для его однозначного понимания требуется вербальный и невербальный контекст, т.е. необходим образы сознания, ассоциированные с другими звучащими словами или предметами (действиями, явлениями). Сама субстанция звуков, кроме акустических и перцептивных свойств (качеств), необходимых для опознания, никаких других релевантных для интеллектуального управления поведением коммуникантов не имеет: ассоциированные с субстанцией звуков знания, ради манифестации которых и продуцируется речевая цепочка звуков, уже заранее (до начала производства и восприятия речевых сообщений) хранятся в сознании коммуникантов, при этом коммуниканты рассчитывают на то, что эти знания обладают общностью для них.

Необходимо учитывать, что положение говорящего и слушающего асимметрично: говорящий, сформировав цель (интенцию) своего речевого сообщения (в общем виде – это организация СД с реципиентом), формирует в своем сознании мысль, вербальная демонстрация которой для реципиента должна побудить его к необходимым для говорящего действиям, а затем «одевает мысль в слово», т.е. вербализует ее, ориентируясь на содержание своей мысли, на грамматические показатели, на познавательные возможности реципиента и на этические ограничения, практикуемые в конкретной ситуации РО. Следует обратить внимание на амбивалентное существование *мысли* в сознании говорящего и слушающего. В упрощенном виде, когда говорящий полагает, что формирование в сознании слушающего мысли, аналогичной мысли говорящего, отвечает его цели, он формирует свою мысль в образах своего сознания, а затем вербализует их, опираясь на *общие для коммуникантов*, но существующие в индивидуальных сознаниях, *знания*, ассоциированные с языковыми единицами, а также отображенные в вербальных текстах.

Слушающий, воспринимая устное речевое сообщение, определяет этнический язык сообщения, звуковой и фонемный состав, опознает лексические языковые единицы и их грамматическое оформление и *конструирует* содержание воспринятого сообщения, естественно, опираясь только на свои (других у него нет) языковые и неязыковые знания, при этом содержание сообщения у реципиента может быть больше или меньше, чем у говорящего. Если реципиент соотнесет сконструированное содержание речевого сообщения со своей целью и с целью говорящего в их СД, то сможет составить представление о *смысле* воспринятого сообщения для себя и о смысле для говорящего.

Анализ действий коммуникантов при производстве и восприятии речевых сообщений показывает, что представление о РО как процессе «передачи и получения информации» просто неадекватно, и вводит в заблуждение, хотя и имеет, к сожалению, широкое хождение в лингвистических студиях<sup>2</sup>.

Иллюзия того, что вербальные модели отображают объекты реальной действительности, а не образы этих объектов, хотя и избавляет от проблемы объяснения несовпадения (неидентичности) описания одного и того же объекта разными носителями конкретного языка и культуры, но не вносит ясности в состояние дел. Проблема вербального моделирования (отображения) объектов реальной действительности осложняется еще и тем, что в языке содержатся альтернативные средства: языковые и речевые синонимы, территориальные дубликаты, метафоры и различные техники непрямого обозначения.

---

<sup>2</sup> Психолингвистические модели и теории порождения и восприятия речи подробно описаны А.А. Леонтьевым [Леонтьев А.А. 2005: 84–147].

Образы сознания, моделируемые говорящим в своем речевом высказывании, являются одним из внутренних звеньев процессов производства и восприятия речи: говорящий овнешняет для слушающего свою мысль, состоящую из образов своего сознания, а слушающий, ориентируясь на лексическое, грамматическое и фонетическое оформление воспринятого речевого высказывания, формирует для себя из своих образов сознания свою мысль.

Образы сознания человека – это средство ориентировки его в реальной действительности, которая осуществляется в *процессе* оперирования предметами в познавательной деятельности и в *процессе* построения мысли при оперировании образами.

Образы, доступные для субъекта сознания в интроспекции, а для внешнего наблюдения во всех знаковых репрезентациях, являются объектом интенсивного изучения в психологии сознания.

Существует значительное число классификаций образов сознания, так называемых вторичных образов, однажды сформированных личностью в познавательной деятельности, хранящихся в сознании и используемых в качестве перцептивных эталонов в текущих актах ориентировочной деятельности, определяя установки субъекта сознания.

В «Психологии вторичных образов» А.А. Гостев обсуждает основания составления возможных классификаций вторичных образов: «1) отображение характера внешней среды (например, физической или социальной); 2) источник информационного содержания образа – долговременная или кратковременная память, характер запоминаемой информации; 3) степень адекватности образа объектам привычного окружающего мира; 4) субъективная локализация образа – нахождение образа во внутреннем пространстве или проекция во внешнее пространство; 5) чувство реалистичности образа; 6) время, отраженное в образах – отнесенность образов к будущему, прошлому, «обобщенному настоящему»; 7) вид отражаемого и трансформируемого в образе опыта – перцептивный, вербальный, эмоциональный» [Гостев 2007: 152].

Проблема вторичных образов имеет прямое отношение к проблеме производства и восприятия речевых сообщений, если говорящий в своей речи не моделирует вербально образы сознания, формируемые здесь и сейчас при *восприятии* объектов реальной деятельности, то он вербально моделирует мысли, сконструированные из *вторичных образов*, уже хранящихся в сознании. Именно совокупность этих образов составляет содержание сознания, которое полностью открывается субъекту сознания не в интроспекции, а в производимых им речевых сообщениях, когда он получает возможность вербально смоделировать свое сознание, опираясь на знания всего общества, доступные ему благодаря его собственному словарному запасу, ассоциированные с телами языковых знаков своего этнического языка. Поэтому язык личности в форме процесса производимой и воспринимаемой речи – это не только средство РО, но и средство познания самого себя, т.к. содержание устных речевых сообщений существует только в *процессе* их производства восприятия. Процессуальную форму существования содержания речевых сообщений настойчиво подчеркивал А.А. Леонтьев, представляя содержание речевого сообщения как итог – промежуточный или конечный – его понимания [Леонтьев 2005: 142].

Теперь мы можем точно описать процесс информационного взаимодействия коммуникантов, которые не «передают информацию» друг другу (что физически невозможно), а предъясляет друг другу для восприятия только тела языковых знаков (культурные предметы), обладающие только субстанцией, но способные вызвать из сознания реци-

пиента образы, ассоциированные с этими телами знаков. Следовательно, информация (знание) не передается, а создается реципиентом под воздействием стимуляции, производимой говорящим при помощи тел языковых (и неязыковых) знаков: слушающий, пытаясь понять цепочку тел языковых знаков, *конструирует из своих наличных образов сознания*, ассоциированных с воспринятыми телами языковых знаков, некоторое содержание, что и было целью знакового воздействия говорящего. Прогнозируемый говорящим результат получится только в случае, если он не ошибся в своих предположениях относительно наличия /отсутствия конкретных образов сознания.

В связи с проблемой регулирования коммуникантами поведения друг друга возникает необходимость анализа проблемы понимания другого сознания, которая в лингвистике практически не артикулирована. Это происходит, вероятно, потому что проблема понимания другого сознания, не решенная в рамках научного дискурса, вынесена за пределы предметной области лингвистики. Хотя проблема чужого сознания является объектом исследования в науке [Витгенштейн 1994; Остин 1999], она не может считаться решенной, т.к. сознание доступно субъекту только в интроспекции и только при помощи его субъективных, частных, по словам Л. Витгенштейна, знаний, которые доступны для внешнего наблюдения только будучи переведенными в общепринятые знания при помощи вербального моделирования. Противоречивость внутренней (частной) и внешней (знаковой) форм описания считается препятствием для решения проблемы чужого сознания. Но за пределами науки проблема чужого сознания не является проблемой: в процессе инкультурации и социализации личность овладевает навыками формирования гипотез о содержании сознания другого на основе его внешнего поведения и вегетативных реакций. Совокупность профанных знаний, позволяющих судить по внешним проявлениям о содержании сознания другого, получила название «народной психологии».

Для проблемы производства и восприятия речевых высказываний проблема чужого сознания приобретает статус ключевой семантической фигуры, указывающей на необходимость рефлексии под феноменом искажения своего сознания своим же метасознанием или сознанием социума при его вербальном моделировании.

### **Выводы**

Теперь необходимо сделать резюме, которое едва ли можно считать окончательным. Объект теории функционирования языка – это сотрудничающие члены социума (и, следовательно, общающиеся друг с другом). Объект исследования имеет внешние и внутренние звенья: внешние звенья – процесс воздействия на объекты: при помощи предметов-орудий на предметы и при помощи предметов-знаков на людей; внутренние звенья – отображение в сознании СД и построение мысли для ее вербального моделирования говорящим и построение мысли в результате анализа вербального моделирования слушающим.

Обратимся к облигаторным характеристикам сотрудничающих членов социума. Это люди

- сформировавшие свои высшие психологические функции и, следовательно, сформировавшие свое сознание;
- присвоившие свою этническую культуру и, следовательно, сформировавшие свое этническое сознание;
- сформировавшие свою языковую способность, позволяющую вербально мо-



делировать свои мысли и конструировать мысль в результате анализа вербального моделирования мысли другого коммуниканта;

– сформировавшие навыки сотрудничества в СД и организации РО и СД в социальных ситуациях, где происходит их профессиональная и непрофессиональная деятельность.

Таким образом, нередуцированный объект лингвистики – это *процесс производства и восприятия речевых сообщений*, осуществляемый сотрудничающими и общающимися личностями в структуре социальных отношений своего социума (и этноса). Естественно, такой объект исследования может быть сформирован, если лингвисты станут склоняться к выводу, что прошел период изучения языка «в себе и для себя», и наступило время решать лингвистические задачи в интересах стремительно меняющегося информационного общества.

### Литература

*Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Пер. с польск. Т. П. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.

*Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

*Есперсен О.* Философия грамматики. Пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой; Под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 400 с.

*Кожина М.Н.* Стилистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М.: Изд-во «Наука», 1974. С. 274–285.

*Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. Учебник. 4-е изд., стереотипное. М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2011. 465 с.

*Кравченко А.В.* От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.: илл. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

*Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

*Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики: Учебник для студ. высш. учеб. заведений, 4-е изд., испр. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.

*Остин Дж.* Чужое сознание // Избранное. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой и В.П. Руднева. М.: Идея–Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 247–290.

*Постовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982. 223 с.

*Пражский лингвистический кружок.* Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. 560 с.

*Рамшвили Г.В.* Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 5–33.

*Рамшвили Г.В.* Гумбольдтианство // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 123–124.

*Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Юрайт, 2019. 310 с.

*Томаселло М.* Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М.В. Фаликман, Е.В. Печенковой, М.В. Синицыной, А.А. Кибрик, А.И. Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.

*Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.

*Bühler, K.* (1934) Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, Gustav Fischer.

## ON THE LANGUAGE FUNCTIONING

**Evgeniy F. Tarasov**

Doctor of Philology, Professor  
Head of Psycholinguistics Department  
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences  
1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009  
*eft35@mail.ru*

The article deals with the meta-theoretical analysis of the language functioning. In modern linguistics, language functioning remains unreflected within the reductionist approach to the object of linguistics, resulting from the complexity of the verbal communication phenomenon.

The functioning of the language has external and internal aspects; to study the latter, linguistics does not possess cognitive means and has to cooperate with psychology. Verbal communication requires communicants to have a consciousness developed through the acquisition of an identical culture, a functioning language ability, the skills of joint activities and verbal communication following the rules of their ethnic culture. An unreduced object of linguistics, in addition to the process of oral speech production and perception should include collaborating and communicating individuals as carriers of their common ethnic culture and ethnic language.

One should keep in mind that speech influence is carried out by constructing in the mind of the recipient an ideal reality (required future) in the process of semantic perception of speech messages produced by the speaker.

One should consider the process of speech influence as the object of linguistics. Within the process of speech influence, communicants regulate each other's behavior, constructing thoughts in the partner's mind and presenting a speech messages for his/her perception inducing in the recipient the images of consciousness (thoughts) necessary for the subject of influence.

**Keywords:** object of linguistics, reductionism, collaborating and communicating individuals, ethnic culture, common consciousness, speech production and perception

### References

*Bodujen de Kurtene I.A.* Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [Selected Works on General Linguistics]. Per. s pol'sk. T. II. M. Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 391 p. (In Russian).

*Vitgenshtejn L.* Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Ch. 1. M.: Gnozis, 1994. 612 p. (In Russian).

*Espersen O.* Filosofija grammatiki [Philosophy of grammar]. Per. s angl. V.V. Passeka i S.P. Safronovoj; Pod red. i s predisl. B.A. Il'isha. M.: Izd-vo inostranoj literatury. M., 1958. 400 p. (In Russian).

*Kozhina M.N.* Stilisticheskie problemy teorii rechevoj kommunikacii [Stylistic problems of the theory of speech communication] // Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti [Foundations of the speech activity theory]. M.: Izd-vo «Nauka», 1974. P. 274–285. (In Russian).

*Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskij* Stilistika russkogo jazyka [Stylistics of the Russian language]. Uchebnik. 4-e izd. stereotipnoe. M.: Izd-vo «Flinta», Izd-vo «Nauka», 2011. 465 p. (In Russian).

*Kravchenko A.V.* Ot jazykovogo mifa k biologicheskoj real'nosti: pereosmysljaja poznavatel'nye ustanovki jazykoznanija [From linguistic myth to biological reality: rethinking the cognitive attitudes of linguistics]. M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2013. 388 p: il. (Razumnoe povedenie i jazyk. Language and Reasoning). (In Russian).

*Leont'ev A.N.* Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Kniga, 2012. 176 p. (In Russian).

*Leont'ev A.A.* Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]: Uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij, 4-e izd., ispr. M.: Smysl, Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. 288 p. (In Russian).

*Ostin Dzh.* Chuzhoe soznanie [Alien Consciousness] // Izbrannoe [Austin J. Selected Works]. Per. s angl. L.B. Makeevoj i V.P. Rudneva. M.: Ideja–Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999. P. 247–290. (In Russian).

*Postovalova V.I.* Jazyk kak dejatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'dta [Language as an activity. The experience of interpreting the concept of W. Humboldt]. M.: Nauka, 1982. 223 p. (In Russian).

*Prazhskij lingvisticheskij kruzhok.* Sbornik statej [Prague Linguistic Circle. Digest of articles]. M.: Progress, 1967. 560 p. (In Russian).

*Ramishvili G.V.* Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo jazykoznanija [Wilhelm von Humboldt – the founder of theoretical linguistics] // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Humboldt W. von. Selected Works on Linguistic]. M.: «Sovetskaja jenciklopedija», 2000. P. 5–33.

*Ramishvili G.V.* Gumbol'dtianstvo [Humboldtianism] // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. P. 123–124. (In Russian).

*Sossjur F. de* Kurs obshhej lingvistiki [Course of General Linguistics]. M.: Jurajt, 2019. 310 p. (In Russian).

*Tomasello M.* Istoki chelovecheskogo obshhenija [Origins of human communication] / Per. s angl. M.V. Falikman, E.V. Pechenkovej, M.V. Sinicynoj, A.A. Kibrik, A.I. Karpuhinnoj. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. 328 p. (In Russian).

*Jakobson R.O.* Izbrannye raboty [Jacobson R.O. Selected works]. M.: Progress, 1985. 454 p. (In Russian).

*Bühler, K.* (1934) Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache [Theory of Language: The Representative Function of Language]. Jena, Gustav Fischer.